

Пишу тебе с Войны...

РАЗНЫЕ ДНИ ВОЙНЫ
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ
1941 ГОД

КОНСТАНТИН
СИМОНОВ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С37

Симонов Константин Михайлович

С37   Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год /
К.М. Симонов. — Москва: Издательство АСТ, 2016. —
576 с + [16 вкл.]. — *(Военные дневники)*.

ISBN 978-5-17-096488-8

В качестве военного корреспондента газеты «Красная звезда» К.М. Симонов объездил во время Великой Отечественной войны многие участки фронта. Все, чему стал очевидцем, он стремился запечатлеть в своих дневниковых записях, которые в послевоенные годы литературно обработал и прокомментировал.

Перед вами страницы дневника Константина Симонова, посвященные первому, самому трудному году войны — 1941. Они позволяют погрузиться в водоворот событий на полях сражений и в тылу, увидеть непростые будни военных корреспондентов. Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны, советской литературой и публицистикой этого времени.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С37

© К.М. Симонов, наследники, 2016 г.

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Все права защищены

ISBN 978-5-17-096488-8

ОТ АВТОРА

Подзаголовок этой выходящей сейчас в двух томах книги*, определяет ее характер. Она — не мемуары профессионального военного и не труд историка, а именно дневник писателя, своими глазами видевшего какую-то частицу событий Великой Отечественной войны. События эти были необъятно огромны, а круг моих личных наблюдений весьма ограничен, и я достаточно хорошо понимаю это, чтобы не претендовать на их полноту.

Следует добавить, что моя работа тех лет выходила за рамки обязанностей военного корреспондента «Красной звезды», и в книге речь пойдет не об одних фронтовых поездках, но и о писательской работе.

Наиболее подробные записи связаны у меня с началом и концом войны, с сорок первым и сорок пятым годами. Записи за сорок второй, сорок третий и сорок четвертый годы иногда довольно подробны, а иногда носят отрывочный характер. Следы некоторых поездок на фронт остались только в корреспонденциях, печатавшихся в «Красной звезде» и «Правде», в копиях репортажей, которые я посылал через Информбюро в Америку, и в скорописи фронтовых блокнотов. Я хорошо понимал, как важно для писателя вести военные записи, и, пожалуй, даже преувеличивал их значение, когда, отвечая во время войны на

---

* Том фронтовых заметок К.М.Симонова 1942–1945 гг. выйдет отдельным изданием в серии «Военные дневники». — *Прим. ред.*

вопросы Американского Телеграфного Агентства, писал: «Что касается писателей, то, по моему мнению, сразу же, как кончится война, им нужно будет привести в порядок свои дневники. Что бы они ни писали во время войны и как бы их за это ни хвалили читатели, все равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они сделали на войне за войну, окажутся именно их дневники».

Однако эти слова разошлись с делом. Важность дневниковых записей я понимал, а вести их систематически порой не хватало времени. В промежутках между фронтовыми поездками и корреспондентской работой я написал за те годы две книги стихов, три пьесы и повесть «Дни и ночи». Успевая одно — не успевал другого. И дело было не только в недостатке времени, а в недостатке душевных сил.

В книге «Разные дни войны» читатель встретится:

Во-первых, с теми страницами моих военных записок, которые были продиктованы между поездками на фронт или — что гораздо реже — были сделаны по памяти вскоре после войны; текст их сокращен мною главным образом за счет малосущественных подробностей корреспондентской жизни и некоторых мест, носивших личный характер.

Во-вторых, со страницами, взятыми мною из фронтовых блокнотов, из переписки военного, а иногда и послевоенного времени, и в нескольких случаях — из моих военных корреспонденций.

И наконец, в-третьих, с моими нынешними воспоминаниями и размышлениями, основанными по большей части на знакомстве с архивными материалами. Быть может, некоторым из читателей покажется, что я отвел в книге излишне много места выяснению биографических подробностей и дальнейших судеб даже мельком встреченных мною на фронте людей. Но мне хочется напомнить, что оборванность людских судеб — одна из самых трагичных черт войны. И сейчас у меня все обостряется чувство неоплатности долга, все неотложней становится обязанность: всюду, где можешь, назвать разысканные тобою имена воевавших людей, проследить в сложных переплетах войны ниточки их судеб, иногда безвозвратно оборванных, а иногда просто не до конца нам известных, в том

числе тех, кто остался жив, но, случалось, был записан в мертвые ошибкою памяти или документа.

Подготавливая книгу к печати, я старался, чтобы читателю в каждом случае было ясно, с чем он имеет дело: с тем, что я писал в те годы, или с тем, что вспоминаю теперь.

Книга документальная, в ней нет вымышленных персонажей, и всюду, где я считал себя вправе это сделать, я сохранил подлинные имена и фамилии. В такой книге, как эта, возможны ошибки памяти, и я буду признателен тем, кто на них укажет.

Мне остается честно предупредить тех из читателей, которые знают роман «Живые и мертвые» и примыкающие к этому роману повести «Из записок Лопатина», что они столкнутся здесь, в дневнике, с уже знакомыми им отчасти лицами и со многими сходными ситуациями и подробностями.

Это объясняется тем, что, когда пишешь повесть или роман о таком тяжком деле, как война, фантазировать и брать факты с потолка как-то не тянет. Наоборот, всюду, где это позволяет твой собственный жизненный опыт, стараешься держаться поближе к тому, что видел на войне своими глазами.

При всей разнице литературных жанров «Живые и мертвые» были написаны, в общем, о том же самом, что и дневник. Он был отправной точкой для романа и предшествовал ему по времени, хотя сейчас для многих читателей, когда они встретятся в дневнике с тем, что уже читали в романе, все будет выглядеть как раз наоборот.

В дальнейшем, на протяжении книги, я буду лишь в самых необходимых случаях напоминать об этой связи одного с другим, но здесь, во вступлении, хочу без недомолвок признаться, что для меня самого, как для писателя, эта связь принципиально важна.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Двадцать первого июня меня вызвали в радиокomiteeт и предложили написать две антифашистские песни. Так я почувствовал, что война, которую мы, в сущности, все ожидали, очень близка.

О том, что война уже началась, я узнал только в два часа дня. Все утро 22 июня писал стихи и не подходил к телефону. А когда подошел, первое, что услышал: война.

Сейчас же позвонил в политуправление. Сказали, чтоб позвонил еще раз в пять.

Шел по городу. Люди спешили, но, в общем, все было внешне спокойно.

Был митинг в Союзе писателей. Во дворе столпилось много народу. Среди других были многие из тех, кто так же, как и я, всего несколько дней назад вернулся с лагерных сборов после окончания курсов военных корреспондентов. Теперь здесь, во дворе, договаривались между собой, чтоб ехать на фронт вместе, не разъединяться. Впоследствии, конечно, все те разговоры оказались наивными, и разъехались мы не туда и не так, как думали.

На следующий день нас — первую партию, — человек тридцать, вызвали в политуправление и распределили по газетам. Во фронтовые — по два, в армейские — по одному. Мне предстояло ехать в армейскую газету. Было немножко неожиданно это предстоящее одиночество. Писательское, конечно.

Потом вместе с Долматовским был в райкоме партии. Перед отъездом на фронт я стал кандидатом партии — секретарь райкома вручил мне кандидатскую карточку, а Долматовскому партийный билет. После этого мы опять до вечера были в Наркомате обороны. Там выписывали документы: мне в армейскую газету 3-й армии в Гродно. Получили документы и обмундирование. Оружия не дали, сказали: достанете на фронте. Там, в вещевом цейхгаузе, я в последний раз видел многих из тех, с кем мы разъезжались.

Шумели, примеряя военную форму. Были очень оживлены, может быть, даже слишком, нервничали.

Шинель впопыхах выбрал себе не по росту, и пришлось на следующее утро, 24-го, менять в военторге. Долматовский покупал себе там шпалы на петлицы. Так и простились с ним среди магазина.

В ночь с 23-го на 24-е была первая воздушная тревога, как потом оказалось — учебная. Все это, конечно, были игрушки, но я тащил детей с пятого этажа вниз, в убежище, и мне все это казалось чрезвычайно серьезным.

Двадцать четвертого, еще засветло, ездил на вокзал, чтобы оформить до Минска свой воинский литер. До места так и не добился, только узнал, когда пойдет поезд. Решили, что как-нибудь сяду. Было настроение проститься с Москвой сегодня и не откладывать отъезда еще на день.

Вечером в Москве было абсолютно темно. Машину, в которой я ехал на вокзал, задержали: шофер ехал не с такими предохранительными сетками, какие положено было иметь. К счастью, подвезла другая машина, и в последнюю минуту я все-таки попал к поезду, отходившему на Минск. Верней, думал, что в последнюю минуту, потому что поезд ушел только через два часа.

На вокзале кое-где горели синие лампочки. Черный вокзал, толпа людей, непонятно, когда, куда и какой идет поезд, какие-то решетки, через которые не пускают. Перебросил чемодан, потом перелез сам.

Шинель была хорошо пригнана, ремни скрипели, и мне казалось, что вот таким я всегда и буду. Не знаю, как другие, а я, несмотря на Халхин-Гол, в эти первые два дня настоящей войны был наивен, как мальчишка.

Поезд тронулся. Вагоны были, неизвестно почему, дачные, без верхних полок, хотя поезд шел до Минска.

Я должен был явиться в политуправление фронта в Минске, а оттуда — в армейскую газету 3-й армии. В вагоне ехали главным образом командиры, возвращавшиеся из отпусков. Было тяжело и странно. Судя по нашему вагону, казалось, что половина Западного военного округа была в отпуску. Я не понимал, как это случилось.

Ехали ночь на 25-е и весь день 25-го. Вечером в Орше бомбили, не далеко от поезда. 26-го, вернее, в ночь на 26-е поезд подошел к Борисову. Известия с каждым часом были все тревожнее. И надо сказать, мы быстро привыкали к ним, хотя им и трудно было поверить.

Рядом со мной в вагоне сидели полковник-танкист и его сын, мальчик лет шестнадцати, которого отцу разрешили взять с собой в армию. Кроме них, один артиллерийский капитан, по виду спокойный человек.

Слезли в Борисове в шесть утра. Дальше поезда не шли. Были сведения, что пути до Минска разбомблены и перехвачены десантом. Потом говорили, что немцы 20-го уже вышли на железную дорогу между Минском и Борисовом, обойдя Минск. Но нам это еще не приходило в голову, думали, десант. Мы вылезли прямо у станции, свалили в кучу чемоданы. Сын полковника заботливо помогал старшим устроиться с харчами. Все тащили все, что было, и ели вместе. Кто-то вдруг притащил бочонок сметаны. Черпали сметану тарелками, кружками и даже касками. Было в этом что-то грустное. Внешне как будто ничего особенного, а в сущности: эх, где наша не пропадала!

Поев, три часа метались по городу в поисках власти. Ни комендант станции, ни комендант города ничего не могли сказать. Начальник гарнизона корпусной комиссар Сусайков был не то в городе, не то километрах в двенадцати от города у себя в бронетанковом училище, которым он командовал.

После долгих поисков мы с артиллерийским капитаном поймали пятитонку, шофер которой готовился бросить ее из-за того, что кончился бензин, и поехали по Минскому шоссе искать хоть какое-нибудь начальство.

Над городом крутились немецкие самолеты. Были отчаянная жара и пыль. У выезда из города, возле госпиталя, я увидел первых мертвых. Они лежали на носилках и без носилок. Не знаю, откуда они появились. Наверное, после бомбежки.

По дороге шли войска и машины. Одни в одну сторону, другие — в другую. Ничего нельзя было понять.

Выехали из города, но там, где стояло бронетанковое училище, верней, должно было стоять, и где, по нашим расчетам, мог находиться начальник гарнизона, все было настезь распахнуто и пусто. Стояли только две танкетки, и в ожидании отъезда сидели в одной из комнат их экипажи. Никто ничего не знал. Начальник гарнизона, по слухам, был где-то на Минском шоссе, а училище было уже эвакуировано.

Поехали обратно в город. Немецкие самолеты гонялись за машинами. Один прошел над нами, строча из пулемета. От грузовика полетели щепки, но никого не задело. Я плюхнулся в пыль в придорожную канаву.

Вернулись в комендатуру. Комендант — старший лейтенант — кричал: «Закопать пулеметы!» За два часа нашего отсутствия многое переменялось. По городу шли и бежали неизвестно куда люди.

Я попросил коменданта выдать мне наган. На это комендант мне ответил: «Эх! Что бы вам обратиться раньше на полчаса. Ничего не осталось. Все за час роздали. Даже маузеры раздавали рядовым бойцам».

В нашей машине бензин действительно был уже на исходе. Узнав, где находится нефтебаза — она была примерно в пятнадцати километрах в сторону Минска, — поехали туда за бензином. По дороге посадили в машину какого-то интенданта и еще двух-трех военных.

На нефтебазе все оказалось спокойно, хотя по дороге нас уверяли, что там уже немцы. Пока мы ведрами заливали бензин в машину, капитан пошел к начальнику нефтебазы что-то выяснить. Войдя вслед за ним, я увидел странную картину: капитан, с которым я приехал, и какой-то полковник держали под взведенными наганами двух командиров в форме саперов. Один из них был с орденами. У обоих было отобрано оружие. Как впоследствии оказалось, их прислали сюда выяснить воз-

возможность подрыва нефтебазы, и не то они перепутали и явились уже подрывать ее, не то их не так поняли, в общем, вышло недоразумение, из-за которого капитан и полковник приняли их за диверсантов и пять минут держали под револьверными дулами. Когда все наконец выяснилось, один из саперов — молодой майор с двумя орденами — стал кричать, что с ним никогда еще такого не было, что он три раза был ранен в финскую кампанию, что после такого позора ему остается только застрелиться. С трудом удалось его успокоить.

Заправившись бензином, поехали обратно. На переезде стоял длиннейший состав, загоразживавший дорогу. Голова его упиралась в хвост другого состава, загоразживавшего следующий переезд. И так, кажется, до бесконечности. Двое из сидевших в кузове нашей машины стали шуметь и требовать, чтобы мы бросили машину и шли пешком, потому что поезда никогда не пойдут и нас тут настигнут немцы. Мы с капитаном на них накричали.

Но действительно пришлось ждать около часа. Где-то бухала артиллерия. Было отвратительное ощущение неизвестности, а у меня к тому же безоружности. Болтавшаяся на боку пустая кобура только раздражала.

Когда мы снова добрались до города, комендатура грузилась. На мой вопрос, что происходит, комендант охрипшим голосом прокричал:

— Есть приказ маршала Тимошенко оставить Борисов, перейти на ту сторону Березины и там, не пуская немцев, защищаться до последней капли крови!

Мы выехали из города. По пыльной дороге на восток шли машины, изредка орудия. Двигались пешком люди. Теперь все же направлялись в одну сторону, на восток. На дамбе, перед мостом, стоял человек с двумя наганами — за поясом и в руке. Он останавливал людей и машины и вне себя, грозя застрелить, кричал, что он должен остановить здесь армию и он остановит ее и будет стрелять всех, кто попытается отступить. Этот человек был искренен в своем отчаянии, но все это вместе взятое было нелепо, и люди равнодушно ехали и шли мимо него. Он пропускал их, хватал за гимнастерки следующих и опять грозил застрелить.

Переехав через мост, мы свернули с дороги и остановились в небольшом редком лесу, метрах в шестистах от реки. Здесь уже кишмя кишело. По большей части все это были командиры и красноармейцы, ехавшие из отпусков обратно в части. А кроме них, бесконечное количество призванных, упорно двигавшихся на запад, на свои призывные пункты.

Было уже часа четыре дня. Несколько полковников, в том числе и тот полковник-танкист Лизюков, с которым я ехал в одном вагоне, наводили в лесу порядок. Составляли списки, делили людей на роты и батальоны и отправляли налево и направо вдоль берега Березины занимать оборону. Было много винтовок, несколько пулеметов и орудий.

Артиллерийский капитан, с которым я ездил, отправился еще обратно в Борисов за снарядами и пушками, потому что хотя здесь были и пушки и снаряды, но калибр снарядов не соответствовал калибру орудий.

Я загнал машину в лес и пошел записываться в строевые списки. Записавшись, встретил военного юриста, который тоже ехал со мной в одном вагоне. Он сказал мне, что ему приказали заниматься тут его прокурорскими делами, и посоветовал мне быть при нем: «Ведь не газету же здесь выпускать». Через несколько минут он притащил мне откуда-то винтовку со штыком, без ремня, так что мне все время приходилось держать ее в руках.

Через полчаса после того, как я попал сюда, немцы с воздуха обнаружили наше скопление и стали обстреливать лес из пулеметов. Волны самолетов шли одна за другой примерно через каждые двадцать минут.

Мы ложились, прижимаясь головами к тощим деревьям. Лес был редкий, и нас очень удобно было расстреливать с воздуха. Никто друг друга не знал, и при всем желании люди не могли толком ни приказывать, ни подчиняться.

— Хоть бы дождаться темноты, — сказал мне прокурор.

Наконец часа через три над лесом низко прошло звено И-15. Мы вскочили, довольные, что наконец-то появились наши самолеты. Но они полили нас хорошей порцией свинца. Несколько человек рядом со мною было ранено — все в ноги. Как лежали в ряд, так их и пересекла пулеметная очередь.

Мы думали, что это случайность, ошибка, но самолеты развернулись и прошли над лесом во второй и в третий раз. Звезды на их крыльях были прекрасно нам видны. Когда они в третий раз прошли над лесом, кому-то из пулемета удалось сбить один самолет. Туда, где горел этот самолет, на опушку, побежало много народа. Бежавшие туда говорили, что из кабины вытащили труп полусгоревшего немецкого летчика.

Не понимаю, как это случилось. Остается думать, что немцы в первый день где-то захватили несколько самолетов и научили своих летчиков летать на них. Во всяком случае, впечатление у нас осталось удручающее.

Штурмовали нас до поздней ночи. К ночи вернулся капитан и привез снаряды. Он был очень доволен тем, что дорвался до своего артиллерийского дела и не чувствует уже себя неизвестно куда гонимой пешкой.

Мы чего-то пожевали, кажется сухарей. А пить — устали так, что за водой даже не пошли.

Я уже в темноте улегся у колес грузовика, положив под голову шинель, а винтовку рядом. Было чувство усталости и полного недоумения перед всем, что кругом делается. Но вместе с тем была вера, что все это случайность, какой-то немецкий прорыв, что впереди и сзади есть наши войска, которые придут и все поправят.

Я устал до такой степени, что, когда ночью нас опять начали обстреливать с воздуха, проснулся, только когда кто-то над ухом выстрелил и открылась отчаянная стрельба в небо. Машины ехали куда-то, наткнулись между деревьями одна на другую, разбивались, ломались. Над горизонтом то и дело повисали осветительные ракеты и слышались далекие взрывы бомб.

Наш водитель хотел было рвануться вслед за другими, но я удержал его, решив не выезжать из лесу, пока не прекратится паника.

Через полчаса в лесу стало тише. Сев в пятитонку, стали пробираться к дороге. Выехали на опушку. Оставив там водителя с машиной, я вышел на дорогу и наткнулся на группу из четырех или пяти человек, которые разговаривали с кем-то, одетым в штатское, и требовали у него документы. Он отвечал, что документов у него нет. Они требовали еще настойчивее; тог-

да он дрожащим голосом крикнул: «Документы вам? Все Гитлера ловите! Все равно вам его не поймать!» Военный, стоявший рядом со мной, молча поднял наган и выстрелил. Штатский согнулся и упал. Над нашими головами загорелась ослепительная белая ракета, и сразу же шагах в сорока грохнула бомба. Я упал. Потом грохнуло еще раз и еще — уже дальше. Я поднялся. Рядом со мной лежал застреленный, около него — почти на нем — убитый осколком бомбы военный, один из только что стоявших здесь. А больше никого не было.

Я вернулся в лес. Шофер лежал под машиной, головой — под мотор. Выехав с ним на дорогу, мы узнали у проходивших военных, что всем приказано отойти километров на семь назад, туда, где через лес идет просека.

На лесной дороге было темно. Я шел перед машиной, чтобы не дать ей врезаться в деревья. Когда рассвело, мы добрались до опушки леса, где чуть ли не за каждым деревом стояли машины. Люди рыли окопы и щели.

Я оставил машину в лесу, рядом с другими машинами, а сам пошел искать какое-нибудь начальство. Мне указали как на старшего на корпусного комиссара Сусайкова. Он стоял на лесной дороге, молодой небритый человек в надвинутой на глаза пилотке, в красноармейской шинели, накинутой на плечи, и почему-то с лопатой в руках. Я подошел к нему и по своей все еще не выветрившейся наивности спросил, где редакция газеты, в которой я мог бы работать, потому что я писатель и направлен в армейскую газету.

Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом и сказал равнодушно:

— Разве вы не видите, что делается? Какая газета?!

Я сказал, что мне надо явиться в штаб фронта, в политуправление. Он покачал головой. Он не знал, где штаб фронта, вообще он ровно ничего не знал, так же как и все находившиеся вместе с ним в этом лесу.

В семь, когда солнце поднялось уже высоко, немцы снова начали бомбить и обстреливать это место. Приходилось ложиться, вставать, опять ложиться, опять вставать. Во время одного из таких лежаний я увидел прокурора. Оказывается, он лежал рядом со мной.